

Ширяева Татьяна Александровна, Черноусова Юлиана Анатольевна

ПРАГМА-РИТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПАРЛАМЕНТСКОГО ДИСКУРСА

Статья раскрывает содержание понятия "парламентский дискурс", которое получает все более широкое распространение в современной отечественной и зарубежной политической лингвистике; предлагается принципиально новый, прагма-риторический подход в изучении англоязычного парламентского дискурса на материале скриптов официальных отчетов о заседаниях парламента. Основное внимание авторы акцентируют на выявлении иллокутивных особенностей скриптов парламентских дебатов, указывая на наиболее свойственные (характерные) англоязычному тексту парламентских дебатов речевые акты.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 1 (43): в 2-х ч. Ч. I. С. 211-217. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

31. **Сибирь в контексте мировой культуры: опыт самоописания:** коллективная монография / сост., научн. ред. А. П. Казаркин. Томск: Изд-во «Сибирика», 2003. 216 с.
32. **Слезкин Ю.** Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера / авториз. пер. с англ. О. Леонтьевой. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.
33. **Тюпа В. И.** Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27-35.
34. **Шастина Т. П.** Горный Алтай в публицистике Н. М. Ядринцева // Сибирский филологический журнал. 2013. № 4. С. 74-82.
35. **Шишков В.** Любителям красот и природы // Сибирская жизнь. 1910. № 158. С. ?-?.
36. **Шишков В. Я.** Автобиография // Воспоминания о Вячеславе Шишкове / сост. Н. Н. Яновский. Новосибирск: Новосибирское кн. изд-во, 1987. С. 8-27.
37. **Шишков В. Я.** По Чуйскому тракту: путевые очерки // Сибирская жизнь. 1913. № 159. С. 2.
38. **Шишков В. Я.** Скала: аллегория // В. Я. Шишков. Тайга. Новосибирск: Западно-Сибирское кн. изд-во, 1975. С. 435-440.
39. **Шишков В. Я.** Страшный кам: повести и рассказы. Изд-е 3-е. М.: Недра, 1931. 258 с.
40. **Шишков В. Я.** Чуйские были // Ежемесячный журнал. 1914. № 2. С. 28-37.
41. **Ядринцев Н. М.** Алтай и его инородческое царство // Исторический вестник. 1885. № 6. С. 607-644.
42. **Ядринцев Н. М.** На обетованных землях (из путешествия по Алтаю) // Сибирский сборник. СПб., 1886. Кн. 2. С. 36-43.
43. **Ядринцев Н. М.** Об алтайцах и черневых татарах // Известия Императорского Русского Географического Общества. СПб.: Б.и., 1881. Т. 4. 27 с.
44. **Якимова Л. П.** Многонациональная Сибирь в русской советской литературе. Новосибирск: Наука, 1982. 228 с.

**“SCARY KAM” BY V. Y. SHISHKOV: REGIONALISTIC TRADITION
IN THE EARLY SOVIET EXPERIENCE OF NATIONAL OUTSKIRTS REPRESENTATION**

Shastina Tat'yana Petrovna, Ph. D. in Philology
Gorno-Altai State University
tshliteratura@mail.ru

The story “Scary Kam” by V. Y. Shishkov is considered as the early soviet experience of the artistic and ideological imagination of Gorny Altai – the Siberian national outskirts – in the context of works by G. N. Potanin and N. M. Yadrintsev devoted to this locus. A shaman (kam), a mediator between the human world and the worlds of good and evil forces, is interpreted, unlike previous literary assessments, as a victim of total disbelief. His death breaks natural connection between a man and nature plunging into chaos settled peasant life; relations between people can be characterized by the saying “a dog eats a dog”, who was nothing – becomes all. The semantics of universal fear in the story is a premonition of the era of the Great Terror.

Key words and phrases: regionalistic tradition; the Siberian text; the Altai text; artistic representation; the early soviet era of the Russian literature; ideologemes of the soviet era; shamanism; semantics of fear.

УДК 81.42

Филологические науки

Статья раскрывает содержание понятия «парламентский дискурс», которое получает все более широкое распространение в современной отечественной и зарубежной политической лингвистике; предлагается принципиально новый, прагма-риторический подход в изучении англоязычного парламентского дискурса на материале скриптов официальных отчетов о заседаниях парламента. Основное внимание авторы акцентируют на выявлении иллюкутивных особенностей скриптов парламентских дебатов, указывая на наиболее свойственные (характерные) англоязычному тексту парламентских дебатов речевые акты.

Ключевые слова и фразы: политический дискурс; парламентский дискурс; парламентские дебаты; прагма-риторический подход; иллюкутивный акт; речевой акт.

Ширяева Татьяна Александровна, к. филол. н., доцент

Черноусова Юлиана Анатольевна, к. филол. н.

Пятигорский государственный лингвистический университет
shiryaevat@list.ru; ellemoi@rambler.ru

**ПРАГМА-РИТОРИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА ИССЛЕДОВАНИЯ
АНГЛОЯЗЫЧНОГО ПАРЛАМЕНТСКОГО ДИСКУРСА** ©

Статья выполнена при поддержке РГНФ (Проект № 14-04-00029 «Культурологические и лингвопрагматические аспекты парламентской коммуникации в странах Евросоюза (Великобритания, Германия, Франция. Европарламент)»).

Как известно, «язык служит инструментом познания и отражения действительности, средством общения того или иного коллектива, поэтому он находится в постоянном движении, изменяется для того, чтобы быть в состоянии наиболее адекватно отразить изменяющуюся картину мира и удовлетворять потребностям языкового общества» [1, с. 11]. Именно поэтому социально-политические процессы, происходящие в современном мире,

обуславливают необходимость изучения парламентского дискурса, являющегося ключевым звеном и показателем парламентской жизнедеятельности, который, в свою очередь, отражает уровень устойчивости политического развития общества. Изучение различных ситуаций парламентского общения, их общих и специфических характеристик, корректное использование механизмов взаимодействия коммуникантов друг с другом, владение различными стратегиями и тактиками речевого поведения способствуют эффективному взаимодействию парламентариев, что, на наш взгляд, приводит к разрешению и урегулированию политических, а также парламентских конфликтов и предотвращению многих кризисов в политической, социальной и экономической сферах жизни современного общества. Именно такой подход и обуславливает актуальность проведенного нами исследования.

Многие российские специалисты определяют парламентский дискурс как один из компонентов политического дискурса (А. Н. Баранов, Е. Г. Казакевич (1991); Е. Н. Ширяев (1994); В. И. Карасик (2000); Л. В. Правикова (2005); Е. В. Сапрыкина (2007)). Так, А. С. Константинова полагает, что парламентский дискурс является одной из составляющих политического дискурса, подчеркивая, что «общими признаками политического дискурса как родового понятия и парламентского дискурса как видового понятия являются цели общения участников» [5, с. 26, 42]. Однако, развивая свои идеи, автор приходит к заключению, что целью участников политического дискурса выступают завоевание, борьба за удержание государственной власти, в то время как в парламенте государственная власть реализуется посредством законодательной деятельности.

В свою очередь, В. И. Даниленко рассматривает парламентский дискурс не только в рамках официально-деловой деятельности парламента, но и за ее пределами. По его мнению, существует «неофициальный» парламентский процесс, который связан с кулуарной «закулисной» политической деятельностью [4]. При этом автор убежден, что данная невидимая сторона парламентского функционирования не менее важна для эффективной деятельности парламента. Аналогичной точки зрения придерживается М. А. Галепа, считая, что «парламентский дискурс представляет собой гибридное образование, сочетающее признаки публицистического и политического форматов дискурса» [3, с. 141].

Принимая во внимание существующее разнообразие понимания парламентского дискурса, стоит особо подчеркнуть, что данный дискурс является особой разновидностью институционального дискурса, который представляет собой «статусно-ориентированное общение, то есть речевое взаимодействие представителей социальных групп или институтов друг с другом, с людьми, реализующими свои статусно-ролевые возможности в рамках сложившихся общественных институтов, число которых определяется потребностями общества на конкретном этапе его развития» [12, с. 107]. Иными словами, **парламентский дискурс** порожден и принадлежит сфере парламентской коммуникации, находящей выражение в письменных текстах и ситуативных речевых практиках, принятых в парламентской среде, которые контекстуализируются знаниями, ценностями, властью и идеологией.

Парламентский дискурс как таковой получил широкое осмысление и подробное изучение его определенных аспектов в работах как российских исследователей (О. В. Куликова (1989); Е. Н. Белова (1995); Н. Л. Файбышенко (2002), Л. Н. Кузнецова (2004)), так и зарубежных специалистов (Т. Carbo (1996); P. Baley (2004); L. Ionescu-Ruxandoiu (2012); C. Ilie (2010)).

Так, О. В. Куликова в своей работе, посвященной системному описанию лингвостилистических факторов аргументации, выполненной на материале выступлений в Британском парламенте, подчеркивает, что парламентская речевая коммуникация характеризуется функцией оказания воздействия и убеждения, при этом последнее является его основной коммуникативной целеустановкой. Согласно ее мнению, парламентский дискурс следует рассматривать в рамках аргументативного дискурса, формирующего макроречевой акт, представляющий собой совокупность микроактов с конкретной иллюкутивной силой. В своем исследовании она уделяет особое внимание следующим иллюкутивным актам: утверждениям, ассертивам, косвенным ассертивам, декларативам, комиссивам, директивам, речевым актам оценки как особому виду экспрессивов [8, с. 6-10].

Схожей точки зрения придерживается Е. Н. Белова, полагая, что аргументативный дискурс парламентских слушаний – сложное языковое произведение, имеющее количественного автора в единстве его семантических, прагматических и когнитивных аспектов [2].

Анализируя коммуникативный процесс парламентских дебатов, Н. Л. Файбышенко утверждает, что для понимания и принятия адресатом точки зрения адресанта существуют определенные регулятивные средства аргументации, выраженные конкретными языковыми формами [10].

В свою очередь, на основе комплексного сочетания функционально-семантического и коммуникативно-прагматического подходов Л. Н. Кузнецова исследовала логико-грамматические категории модуса дискурса парламентских дебатов и детализировала способы и языковые средства выражения данной категории [7].

Суммируя вышеперечисленные точки зрения, нужно особо отметить, что российские лингвисты, как правило, изучали англоязычный и американский парламентский дискурс в рамках аргументативного дискурса, исследуя в основном язык парламентских дебатов, выявляя семантические, коммуникативно-прагматические особенности речи парламентариев.

Анализируя парламентский дискурс, нельзя обойти вниманием различные точки зрения на столь сложный и полифункциональный социально-коммуникативный феномен зарубежных исследователей. Так, Тереза Карбо, обстоятельно изучив мексиканский парламентский дискурс 1920-1950 гг., впервые проанализировала дискурс национального парламента, рассмотрев его в диахроническом аспекте, применив методологию, включающую исследование интеракционных характеристик дискурса [15].

Значительным исследовательским вкладом является книга под редакцией Пола Бэйли «Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse», раскрывающая множество тем и методологических моделей анализа различных аспектов парламентских дебатов. Более того, определенные аспекты дебатов Британского парламента сравниваются с соответствующими аспектами европейских парламентов, при этом выявляются экстралингвистические параметры, влияющие на дискурсивную вариативность [14].

В настоящее время наблюдается все возрастающий интерес к изучению парламентского дискурса, представляющего собой субжанр политического дискурса [20, p. 1]. Самая современная работа «European Parliaments under Scrutiny» под редакцией Корнелии Илаи отражает текущее состояние и основные тенденции в изучении парламентского дискурса. В книге представлены разнообразные теоретические модели и аналитические подходы к общеизвестным процедурам дискурс-анализа, добавлены значимые элементы современной риторики и теории аргументации, кроме парламентских дебатов, описаны новые субжанры парламентского дискурса: устные интерpellляции, презентации нового правительства. Эмпирические данные представлены не только парламентами Западной Европы, но и недавно созданными парламентами посткоммунистических центрально- и восточно-европейских стран, а также Европарламентом [16].

Парламентский дискурс изучается историками, политологами и лингвистами с различных точек зрения, преследующих разнообразные цели, а также включающих в себя множество теоретических и методологических подходов. Следует отметить, что лингвистов интересуют не только дискурсивные, но и экстрадискурсивные параметры. Их важнейшими целями на сегодняшний день выступают описание и анализ парламентских речей как формы институционального говорения, определение их специфических структурных характеристик и речемыслительных стратегий. Таким образом, нельзя не согласиться с зарубежными учеными, которые настаивают, что междисциплинарный и трансдисциплинарный подходы способны дать исчерпывающую информацию о парламентском дискурсе.

Все существующее разнообразие точек зрения на парламентский дискурс базируется на трех различных научных областях: 1) социологической, где парламентский дискурс (далее ПД) рассматривается как действующее сообщество (a community of practice); 2) историографической, где ПД рассматривается в рамках контекстуализма; 3) лингвистической, где ПД рассматривается с прагма-риторической точки зрения [20].

Остановимся более подробно на последнем прагма-риторическом подходе, который, по нашему мнению, дает особую теоретическую и методологическую базу для дискурс-анализа. Не вызывает сомнений, что взаимодействие прагматики и риторики обусловлено не только общим объектом исследования – языком в действии, но и тем, какое воздействие оказывает говорящий на слушающего. Прагматику и риторику сближают понятие ситуации (коммуникативной и риторической, соответственно) и наличие жанров (в парламентском дискурсе – дебаты, предложения, устные/письменные вопросы, интерpellляции; в риторике – совещательный, аналитический, эпидейктический жанры). У прагматики и риторики есть схожие лингвистические ресурсы, создающие дискурс. В прагматике различают высказывания, ориентированные на говорящего, слушающего, и нейтральные. В риторике, в свою очередь, выделяют этос (я-концепцию), пафос (теорию, базирующуюся на эмоциях адресата) и логос (концепцию логической связи идей). Прагматические категории определяются согласно конкретным механизмам функционирования коммуникативных процессов, а риторические принимают во внимание основные уровни, вовлеченные в процесс передачи определенного содержания.

Таким образом, прагма-риторический подход позволяет проанализировать парламентский дискурс на макро- и микроструктурных уровнях.

Макроструктурный уровень парламентского дискурса включает в себя:

- общую организацию дискурса, вводные и завершающие конструкции, основные конструкции, диалогическую последовательность, опорные пункты;
- степень соблюдения/нарушения институциональных норм и ограничений;
- общую ориентацию дискурса на консенсус или конфронтацию, удельный вес и формы соглашений или разногласий, возможные варианты медиации;
- удельный вес и формы выражения рационального и эмоционального в дискурсе;
- общую структуру аргументации.

Микроструктурный уровень анализа включает в себя следующие компоненты:

- речевые акты (прямые и косвенные РА);
- дейксис (обозначение говорящего и слушающих);
- импликацию (формы и стратегии импликации);
- расщепление голоса говорящего (полифонию и мультивокализацию);
- стратегии вежливости/невежливости;
- метакоммуникативные формы;
- формы обращений к аудитории;
- формы реакции от аудитории;
- стратегии диалога.

Таким образом, прагма-риторический подход включает в себя описание структурных и лингвистических характеристик, избираемых говорящим, и изучение и интерпретацию эффекта, который они производят, что, безусловно, дает возможность проанализировать парламентский дискурс на принципиально новом уровне, включив в анализ как языковое оформление, так и экстралингвистические факторы парламентского дискурса.

Полагаем, что вышеперечисленные преимущества прагма-риторического подхода позволяют рассмотреть некоторые аспекты функционирования парламентской речи в Британском Парламенте. Здесь следует особо отметить, что выбор Британского Парламента в качестве объекта исследования неслучаен: Британский парламент – один из старейших парламентов мира (часто его называют «прародитель» всех парламентов), возникший в конце XIII века и с тех пор функционирующий без перерывов на протяжении всей политической истории страны. Кроме того, законодательные органы многих стран, а особенно стран-членов Британского Содружества, созданы по его образцу [9].

В настоящей статье мы подробно остановимся на скриптах парламентских дебатов официальных отчётов о заседаниях парламента Великобритании (parliamentary debates: hansard). Выбор данного жанра неслучаен, так как, во-первых, парламентские дебаты представляют собой диалог, который носит полемический характер. Во-вторых, они обладают явной прагматической направленностью и тактико-стратегической организацией. Прагматическим ядром парламентских дебатов, по нашему мнению, является воздействие, осуществляя которое каждый участник отстаивает свою позицию, пытается найти компромиссные, взаимоприемлемые решения, а также убедить аудиторию в своей правоте.

Основной целью нашего изучения материалов парламентских дебатов, как и для большинства лингвистов, является анализ механизмов использования языка в целях решения разнообразных профессиональных задач, возникающих в процессе социального взаимодействия людей в современном англоязычном парламентском дискурсе. Не вызывает сомнений тот факт, что языковое поведение влияет на характер коммуникативной ситуации, делает возможным или изменяет формы социального обмена, определяет социальный статус и формы отношений партнеров по интеракции [13, с. 65].

Очевидно, что исследование прагматических характеристик и особенностей англоязычных парламентских дебатов с прагма-риторической точки зрения предполагает использование некой основы, за которую в данном исследовании взята классификация Дж. Сёрля, известная как «Теория речевых актов» (ТРА), поскольку она, в отличие от других классификаций, основывается на нескольких критериях, что делает её более объективной.

Отметим, что любой англоязычный текст (скрипт) парламентских дебатов рассматривается нами вслед за ведущими отечественными и зарубежными исследователями (Н. Д. Арутюнова (1976); В. В. Богданов (1989); И. Р. Гальперин (2012); Г. П. Грайс (1985); Т. А. Дейк (1978); Г. В. Колшанский (1979); Дж. Остин (1986); Е. В. Падучева (1982); Г. Г. Почепцов (1985); Е. Н. Старикова (1981); Р. Якобсон (1964) и др.) в качестве трехуровневого образования, состоящего из локутивного, иллокутивного и перлокутивного актов.

Остановимся подробнее на каждой из составляющих РА скрипта парламентских дебатов. Локутивный акт – это акт произнесения высказывания с определенным смыслом и соотносением высказывания с действительностью [21, р. 100]. В нашем случае локуция скрипта парламентских дебатов представлена основным содержанием и структурой его текста. Иллокутивной составляющей выступает намерение взаимодействующих сторон разъяснить особенности планируемого ведения дел, цели и задачи взаимодействия, выдвинуть требования, возложить ответственность и обязательства по отношению друг к другу; перлокутивное воздействие, в свою очередь, состоит в нахождении компромиссных, взаимоприемлемых решений, в убеждении аудитории в своей правоте [11].

Так как иллокутивный акт реализует основное коммуникативное намерение отправителя сообщения, он, как правило, часто является особым объектом изучения. Не вызывает сомнений тот факт, что выявление иллокутивных особенностей скриптов парламентских дебатов, а именно: выбор языковых средств из набора равнозначных для успешного осуществления речевого профессионального общения с учетом экстралингвистических факторов, изучение способов реализации коммуникативных намерений адресатов парламентских дебатов и описание интенций их речевого поведения – позволяет приблизиться к более глубокому пониманию текстов, функционирующих в англоязычном парламентском дискурсе в целом и в текстах (скриптах) англоязычных парламентских дебатов в частности [Там же].

Как показывает проведенное нами исследование, коммуниканты, осуществляющие речевую деятельность в рамках парламентских дебатов, следуют в своем речевом профессиональном взаимодействии определенному «регламенту». Иными словами, все РА, к которым прибегают коммуниканты, имеют конвенциональную природу. Убеждение адресата в своей правоте и призыв принять определенную точку зрения достигаются в текстах англоязычных парламентских дебатов с помощью использования различных речевых актов:

1. РА декларатив чаще всего используется в парламентских дебатах для предупреждения о возможном будущем нежелательном событии или декларирования некоторого положения дел как существующего, например:

Andrew George: My point is that the policy is putting pressure on vulnerable people and they are expected to go into debt, and indeed the evidence shows that they are doing so as a consequence of the policy. That is the reasoning behind these modest and reasonable measures, which are based on the evidence [17]. / Эндрю Джордж: Моя позиция такова: такая политика оказывает воздействие на уязвимые слои населения, ожидается, что они погрязнут в долгах, и как показывают подтверждающие данные, в результате такой политики именно так и происходит. Вот рассуждения, лежащие в основе этих скромных и разумных мер, основывающихся на фактах.

При этом данный тип РА используется адресантом как для привлечения интереса к наиболее важным моментам сложившейся ситуации, так и для выражения собственного отношения к определенным аспектам парламентских вопросов.

2. РА репрезентатив служит в текстах англоязычных парламентских дебатов для описания основных моментов предпринимаемого (желательного) действия, например:

Mr Nick Raynsford (Greenwich and Woolwich) (Lab): Clause 3 relates to intermediate market housing. I am keen to make sure that we advance the case for intermediate market housing, which I think is self-evident.

I hope that I can have discussions with Government about this measure. It is reasonable to undertake an evaluation of what is going on in that sector and to try to create tools to enable housing associations and community land trusts to construct a new lower rung on the housing ladder [Ibidem]. / Мистер Ник Рэйнсфорд (Гринвич и Вулидж) (Лейборист): Статья 3 определяет отношение к промежуточному рынку жилья. Я хочу убедиться, что мы продвигаем дело о промежуточном рынке жилья, которое, на мой взгляд, самоочевидно. Надеюсь, что смогу обсудить с правительством данную меру. Разумно проанализировать ситуацию, происходящую в данном секторе, и попытаться создать механизмы, способствующие тому, чтобы жилищно-строительные кооперативы и тресты, владеющие общественной землей, создали новую ступень на лестнице жилищных отношений.

Так, в данном примере выражено стремление адресанта наиболее точно и доходчиво изложить ключевые и наиболее значимые обстоятельства планируемого действия. Кроме того, репрезентативы в англоязычных текстах парламентских дебатов призваны описать особенности ведения дел, цели и задачи коммуникантов, а также разъяснить значение определенных пунктов документа (билля), которые могут вызвать любое сомнение или недопонимание сторон. При этом следует отметить, что «выбор вариантов целевых конструкций определяется их семантико-информативным потенциалом и коммуникативной необходимостью выразить цель как желаемый объект, действие или расчлененную ситуацию» [6, с. 6].

3. РА комиссив в текстах англоязычных парламентских дебатов, по результатам нашего анализа, направлены на возложение ответственности или обязанности не только на непосредственного адресата выступления, но и на возможного адресата, лицо, т.е. должностное лицо, организацию, инициирующее какое-либо действие. Адресат, в свою очередь, обязуется совершить некоторое действие или следовать определенной линии поведения. К данному типу иллокутивных актов относятся различного рода заверения, гарантии, обещания. Языковыми маркерами комиссивов в англоязычных текстах парламентских дебатов выступают различные лексические единицы со значением «assure», «reassure», а также слова-интенсификаторы: «certainly», «absolutely», например:

Mr Lidington: I certainly believe that the NATO summit in Wales will provide an unparalleled opportunity to highlight not only Welsh business but the attractiveness of Wales as a destination for inward investment and for tourism... I assure the hon. Gentleman that my colleagues at the Wales Office have the issue very much on their list of key priorities at the moment [18]. / Мистер Лидингтон: Я абсолютно уверен, что саммит НАТО в Уэльсе предоставит непревзойденную возможность сделать акцент не только на валлийском бизнесе, но и на привлекательности Уэльса как места для иностранных капиталовложений и туризма. Я уверяю достопопочтенных присутствующих. В настоящее время мои коллеги в валлийском ведомстве включили этот вопрос в список основных приоритетов.

Lord Freud: My Lords, I am keen to reaffirm that the Youth Contract is both comprehensive and working [19]. / Лорд Фрейд: Милорды, я хочу вновь подтвердить тот факт, что контракт с молодежью является комплексным и работает на практике.

Так, в данных примерах, человек, вовлеченный в дебаты, посредством высказывания, создающего иллокутивный акт заверения, убеждает присутствующих в своей правоте.

4. РА директив служит в текстах парламентских дебатов для побуждения коммуникантов к выполнению определенных действий. Иллокутивная направленность директивов состоит в стремлении адресанта текста добиться того, чтобы получатель текста совершал определенные действия, соблюдал необходимые договоренности, информировал о возникающих препятствиях.

Steve McCabe: I welcome the Minister to his post. I support Israel's right to defend itself and I condemn the actions of Hamas, but may I urge the Minister to redouble the British Government's efforts not just to achieve a ceasefire but to restart peace talks designed to achieve a lasting peace, so that we can end this recurring spectre of the suffering of thousands of innocent Palestinians [18]? / Стив Мак Кейб: Я приветствую министра на его посту. Я поддерживаю право Израиля защищать себя и осуждаю действия Хамаз, но могу ли я призвать министра удвоить попытки Британского правительства не просто достичь прекращения огня, но возобновить мирные переговоры, направленные на достижение длительного мира, так чтобы мы могли положить конец незатухающему спектру страданий тысяч невинных палестинцев?

Baroness Howe of Idlicote: While welcoming these amendments, I urge the Government to ensure that they are paying the utmost attention to the detail of the code of practice and associated regulations with regard to children's involvement in decision-making [Ibidem]. / Баронесса Хаув из Идлкоут: наряду с одобрением данных поправок, я призываю Правительство гарантировать, что оно отнесется с должным вниманием к некоторым моментам свода правил и соответствующих регулятивных норм, учитывающих вовлеченность детей в процесс принятия решений.

В приведенном выше примере адресант текста парламентских дебатов призывает адресата в рекомендательной форме предпринять определенные действия (to redouble the British Government's efforts not just to achieve a ceasefire but to restart peace talks designed to achieve a lasting peace; to ensure that they are paying the utmost attention to the detail of the code of practice) для улучшения сложившейся ситуации. Как видим, использование адресантом глагола «urge» с целью выражения определенной степени долженствования призывает адресата к определенным действиям в рекомендательной форме. Однако ультимативная форма тоже возможна:

Andrew George: That is why I strongly urge all Members of the House to support the Second Reading of the Bill [17]. / Эндрю Джордж: Именно поэтому я настоятельно призываю всех членов палаты поддержать Второе Чтение Билля.

5. РА экспрессив, как отмечают исследователи, служит обычно для выражения эмоциональной окраски. Подчеркнем, что в нашем случае в текстах англоязычных парламентских дебатов экспрессивы встречаются довольно редко:

Mr Speaker: What an embarrassment of riches! I call Mr Bob Stewart.

Bob Stewart (Beckenham) (Con): Oh dear! Thank you, Mr Speaker [18]. / Мистер Спикер: Глаза разбегаются!
Я вызываю мистера Боба Стюарта.

Боб Стюарт (Бекенхэм) (Консервативная партия): Вот так так! Спасибо, мистер Спикер.

Lord Freud: I blush with pleasure [19]. / (Лорд Фрейд: Я краснею от удовольствия.

Как показывают вышеприведенные примеры, экспрессивы предоставляют возможность выражения эмоциональной составляющей парламентского взаимодействия. Они, безусловно, отражают «человеческий» фактор ведения парламентских слушаний и позволяют адресанту выражать внутреннее состояние, чувства и субъективное мнение относительно взаимодействия с адресатом. Однако частотное употребление экспрессивов нехарактерно парламентскому дискурсу в принципе и парламентским дебатам в частности.

Итак, коммуникативная направленность англоязычного текста парламентских дебатов представлена использованием различных речевых актов (комиссив, декларатив, директив, репрезентатив, экспрессив). Однако частотность их использования и степень иллюкутивной силы, выраженной в РА, позволяют сделать вывод о наиболее свойственных (характерных) англоязычному тексту парламентских дебатов РА.

По степени интенсивности представления иллюкутивной цели в каждом из РА, используемых в изученных нами англоязычных текстах парламентских дебатов, РА декларатив и РА репрезентатив являются наиболее характерными (главными). Частотность их использования может быть представлена следующим образом: РА декларатив (35,6%), РА репрезентатив (34,4%). В свою очередь, использование комиссивов (13,88%) директивов составляет 4,12% от общего числа РА, а экспрессивы (2%) представлены в наименьшей степени.

Итак, англоязычный текст парламентских дебатов функционирует как один из важнейших жанров парламентского дискурса, представляя собой информационную систему отношений, основу которых составляют прагматическая функция информирования и представления информации, а также оказание воздействия, осуществляя которое, каждый участник пытается найти компромиссные, взаимоприемлемые решения, а также убедить аудиторию в своей правоте.

Список литературы

1. **Бабина Л. В., Дьякова Л. Ю.** Исследование сложных слов V+N в рамках когнитивного подхода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (12). С. 11-13.
2. **Белова Е. Н.** Структура и семантика аргументативного дискурса: на материале слушаний комитетов и подкомитетов конгресса США: дисс. ... к. филол. н. СПб., 1995. 151 с.
3. **Галена М. А.** Парламентская журналистика: идеологизированный дискурс в композиционной схеме контекста // Политическая лингвистика. Екатеринбург, 2014. № 1 (47). С. 140-143.
4. **Даниленко В. И.** Современный политологический словарь. М.: NOTA BENE, 2000. 1024 с.
5. **Константинова А. С.** Публичная парламентская речь в современной Германии и России: дисс. ... к. филол. н. Пятигорск, 2013. 181 с.
6. **Крат М. В.** Структурно-семантическая организация инфинитивных и герундиальных конструкций цели в современном английском языке: автореф. дисс. ... к. филол. н. Пятигорск, 2005. 20 с.
7. **Кузнецова Л. Н.** Модус в аргументативном дискурсе парламентских дебатов: дисс. ... к. филол. н. Саранск, 2007. 357 с.
8. **Куликова О. В.** Лингвостилистические средства развертывания аргументации в публицистическом тексте (на материале парламентских выступлений): автореф. дисс. ... к. филол. н. М., 1989. 22 с.
9. **Парламент Великобритании** [Электронный ресурс] // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%B0%D1%80%D0%BB%D0%B0%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82_%D0%92%D0%B5%D0%BB%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%B1%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B8 (дата обращения: 26.08.2014).
10. **Файбышенко Н. Л.** Функционально-семантический и прагматический анализ регулятивных средств аргументативного дискурса: на материале текстов парламентских выступлений в Конгрессе США: автореф. дисс. ... к. филол. н. СПб., 2002. 16 с.
11. **Черноусова Ю. А.** Семантико-прагматические особенности современных бизнес-контрактов (на материале английского языка) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2012. № 1. С. 46-50.
12. **Ширяева Т. А.** Общекультурные и институциональные особенности дискурса // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 103-108.
13. **Ширяева Т. А.** Язык как средство конструирования социальной реальности // Язык. Текст. Дискурс. 2009. № 7. С. 61-67.
14. **Valey P.** Cross-Cultural Perspectives on Parliamentary Discourse. John Benjamins Publishing Company, 2004. 391 p.
15. **Carbo T.** El discurso parlamentario mexicano entre 1920 y 1950 un estudio de caso en metodología de análisis de discurso: Estudios Linguísticos y Literarios. Spanish Edition. 1995. 512 p.
16. **European Parliaments under Scrutiny: Discourse Strategies and Interaction Practices** (Discourse Approaches to Politics, Society and Culture). John Benjamins Publishing Company, 2010. 386 p.
17. <http://www.parliament.uk/business/publications/hansard/commons/todays-commons-debates/read/> (дата обращения: 26.11.2014).
18. <http://www.publications.parliament.uk/pa/cm201415/cmhansrd/cm140722/debtext/140722-0001.htm#14072251000290> (дата обращения: 26.11.2014).
19. <http://www.publications.parliament.uk/pa/ld201415/ldhansrd/text/140730-0001.htm#14073046000312> (дата обращения: 26.11.2014).
20. **Parliamentary Discourses Across Cultures: Interdisciplinary Approaches** / by Liliana Ionescu-Ruxandoiu (Author, Editor), Melania Roibu (Editor), Mihaela-Viorica Constantinescu (Editor). Cambridge Scholars Publishing, 2012. 320 p.
21. **Woods N.** Describing Discourse: A Practical Guide to Discourse Analysis. Trans-Atlantic Publications, Inc., 2006. 224 p.

**PRAGMA-RHETORICAL RESEARCH PERSPECTIVE
OF ENGLISH-LANGUAGE PARLIAMENTARY DISCOURSE**

Shiryayeva Tat'yana Aleksandrovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor

Chernousova Yuliana Anatol'evna, Ph. D. in Philology

Pyatigorsk State Linguistic University

shiryayevat@list.ru; ellemoi@rambler.ru

The article reveals the content of the notion "parliamentary discourse", which is becoming increasingly common in modern domestic and foreign political linguistics; suggests a fundamentally new pragma-rhetorical approach to the study of English-speaking parliamentary discourse by the material of scripts of official reports on the meetings of the Parliament. The authors pay special attention to the identification of the illocutionary features of parliamentary debate scripts, pointing out speech acts which are the most typical (peculiar) to the English text of the parliamentary debates.

Key words and phrases: political discourse; parliamentary discourse; parliamentary debates; pragma-rhetorical approach; illocutionary act; speech act.

УДК 811.11: 81'373.43

Филологические науки

Настоящая работа посвящена исследованию трансформированных фразеологических единиц, их окказиональной актуализации посредством индивидуально-авторского преобразования, а также использованию таких приемов лексической и структурно-семантической обработки фразеологизмов как имплицирование и эксплицирование. Фактическим иллюстративным материалом послужили примеры, взятые из произведений Джулиана Барнса, – одного из самых ярких прозаиков современной Великобритании.

Ключевые слова и фразы: имплицирование; эксплицирование; актуализация; индивидуально-авторское преобразование; трансформация.

Ярыгина Ольга Николаевна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет (НИУ «БелГУ»)

yarygina@bsu.edu.ru

**ИМПЛИЦИРОВАНИЕ И ЭКСПЛИЦИРОВАНИЕ КАК СПОСОБЫ АКТУАЛИЗАЦИИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ В ПРОЗАИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ[©]**

Изучение методов имплицирования и эксплицирования при употреблении и толковании фразеологических единиц (ФЕ) восходит к исследованию устойчивых фраз, анализу их синтаксической структуры (И. А. Филипповская, С. Г. Варлакова, З. К. Тарланов, Л. П. Даниленко и др.). Рассмотрение устойчивых фраз в трудах по фразеологии связано с решением вопросов о природе, семантических и структурных особенностях, лингвистическом статусе и знаковом характере этих образований (В. Л. Архангельский, В. П. Жуков, А. И. Молотков, А. В. Кунин, Н. Ф. Алефиренко, В. Н. Телия и др.).

В. Л. Архангельский, основоположник учения об устойчивых фразах в русском языке, считает изучение их вариантности «одной из самых актуальных задач теории русской фразеологии» [1, с. 15]. По его мнению, установление подлинной лингвистической сущности устойчивых фраз возможно благодаря обращению к устойчивому (постоянному) и вариативному (переменному) в них.

Несмотря на то, что в последние десятилетия был проведен целый ряд исследований, посвященных анализу различных аспектов фразеологического и паремнологического варьирования (В. М. Мокиенко, А. М. Мелерович, Г. Ф. Благова, Е. И. Селиверстова, Н. Н. Федорова, О. Б. Абакумова и др.), некоторые вопросы остаются окончательно не решенными, дискуссионными, требующими дальнейшего изучения и уточнения. К числу таких малоизученных вопросов относится проблема авторского преобразования компонентного состава фразеологических единиц путем использования приемов имплицирования и эксплицирования, что и является объектом нашего исследования.

По словам Т. В. Гридневой, имплицирование и эксплицирование усиливают экспрессивность ФЕ «за счет неординарности фразеологической структуры», за счет нарушения принятого способа выражения [5, с. 9].

По мнению А. В. Кунина, «высокий удельный вес имплицитной семантики во фразеологии связан с той исключительно важной ролью, которую играет имплицитность в развитии языка, поскольку языковой знак не способен эксплицитно обозначить все многообразие признаков обозначаемого предмета. Тенденция к увеличению неактуализированных элементов связана с языковой экономией, т.е. с экономным использованием средств языка при его функционировании» [7, с. 225].

В отношении эксплицирования В. М. Мокиенко в монографии «Славянская фразеология» весьма убедительно доказывает, что этот процесс является одним из активнейших способов фразеологического словообразования, отмечая при этом, что «недооценка эксплицитности особенно характерна для анализа взаимоотношений пословиц и фразеологических единиц» [8, с. 119].